

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ SECTION
SECTION II. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

УДК 808.1

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-8

Бабенко Н. С.

**Социокультурные основания языкового своеобразия
ранней немецкой романной прозы и дискурсивные практики
второй половины XVI века**

(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В.Я.Порхомовского и д.ф.н., профессора И.И.Челышевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)

Институт языкознания,
Б. Кисловский пер.,
1, стр.1, Москва 125009, Россия
E-Mail: babenkons@yandex. ru
ORCID id: 0000-0001-5482-8477

Статья поступила 10 марта 2020г.; принята 6 июня 2020 г.; опубликована 30 июня 2020 г.

Аннотация

В статье с позиций современного лингвистического жанроведения верифицируется существование специфической социокультурной ситуации в немецкой словесности второй половины XVI в. Ее отличительной чертой являлось освоение прежнего опыта использования немецкого языка, расширение границ его применения в книжной культуре и в дискурсивных практиках. Эти процессы нашли своеобразное преломление в развитии отдельных жанров текстов и в характере их взаимодействия. Изучению подлежит проблема формирования ранней романной прозы на немецком языке, ее истоков, стимулов и направлений развития, взаимодействия с публичными дискурсами своего времени, в которых присутствуют разного рода типичные представления о добре и зле, веселом и скучном, добродетельном и порочном. Показана связь ранней романной литературы с массовой литературой малых форматов, и прежде всего с жанром шванков, которые имели в XVI в. рекреационное назначение: служили способом переключения читателя из унылой повседневности, состояния меланхолии и депрессии в мир развлекательных историй о незадачливых персонажах.

Ключевые слова: социолингвистические факторы; переходная эпоха; внеидеологический дискурс; языковые процессы раннего Нового времени.

Информация для цитирования: Социокультурные основания языкового своеобразия ранней немецкой романной прозы и дискурсивные практики второй половины XVI века (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В.Я.Порхомовского и д.ф.н., профессора И.И.Челышевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) //

Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6,
№2. С. 97-110. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-8

Nataliya S. Babenko

**Social and cultural basis of language peculiarities in early novel
and discourse practice in the second half of the 16th century**

*(Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts
and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor
Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics of RAS, Moscow)*

Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences.
bld. 1, 1 B. Kislovskiy Ln.,
Moscow, 125009, Russia
E-Mail: babenkons@yandex.ru
ORCID id: 0000-0001-5482-8477

Received 10 March 2020; accepted 6 June 2020; published 30 June 2020

Abstract

The article verifies the existence of a specific sociocultural situation in German literature of the second half of the 16th century from the standpoint of modern linguistic genre studies. Its distinguishing feature was the development of previous experience in the use of the German language, the expansion of the boundaries of its application in book culture and in discursive practices. These processes found a peculiar refraction in the development of individual genres of texts and in the nature of their interaction. The subject of the study is the formation of early novel prose in German, its origins, incentives and directions of development, interaction with public discourses of its time, in which there are various kinds of typical ideas about good and evil, cheerful and boring, virtuous and vicious. The connection of early novel literature with mass literature of small formats, and primarily with the Schwank genre, which had a recreational purpose in the XVI century: served as a way to switch the reader from a dull daily routine, a state of melancholy and depression into the world of entertaining stories about unlucky characters.

Key words: social and cultural factors, transition epoch, non-ideological discourse, language processes in the early modern period

How to cite: Babenko N.S. Social and cultural basis of language peculiarities in early novel and discourse practice in the second half of the 16th century (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institut of Linguistics RAS, Moscow). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V. 6 (2), 97-110, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-8

Введение

Вторая половина XVI в. представлена довольно хорошо развитой системой жанровых форм текстов, которые стали бурно развиваться благодаря изобретению

книгопечатания, существовавшего уже более 100 лет в режиме постоянного расширения границ своего присутствия в культуре разных стран Европы. Появились авторство и массовый читатель, для

которого чтение текстов стало престижным умением и необходимым занятием. Данный период истории культуры, общества и словесности все больше привлекает внимание исследователей разных гуманитарных дисциплин, поскольку он выделяется ярко выраженным переходным характером разнообразных исторических процессов, связанных с закатом эпохи Возрождения (позднего Средневековья) и движением к раннему Новому времени. Этот процесс сопровождался религиозными, социальными и идеологическими преобразованиями в обществе, которые приобретали публичный характер и находили свое выражение в текстовой деятельности нового поколения авторов, создававших тексты разной тематики и прагматики. Массовый характер литературы этого периода вовсе не означал резкого сближения с разговорным языком, хотя такое понимание развития письменной культуры в XVI в. заложено в обозначении *Volkssprache* «народный язык»; по сути, от читателей требовались компетенции более высокого уровня, чем владение повседневной речью. В русле формирования разнообразных языковых компетенций, актуальных для массового читателя, лежала текстовая деятельность таких авторов, как Й.Викрам, М.Линденер и Й.Фишарт.

Основная часть

Ранняя романная проза в оценке немецкой филологической школы

Изучение немецких романских текстов XVI в., имеет множество ракурсов, что связано с теми или иными приоритетами немецкой филологической традиции в разные периоды ее развития. Так, существуют историко-культурные, лингвистические, литературоведческие версии и их поэтологические и риторические ответвления в изучении весьма короткой истории развития ранних романских текстов на немецком языке, относящихся ко второй половине XVI в., т.е. микропериода с 1555 (Аугсбургский

религиозный мир) по 1618 гг. (начало 30-летней войны).

Изучение развития немецкой словесной культуры второй половины XVI в. длительное время находилось под давлением традиции, сложившейся еще в конце XIX в. и сводившей описание письменной культуры этого периода к исключительно негативным оценкам, лишавшим ее какой-либо эстетической ценности ввиду преобладания рефлексов религиозного противостояния, которое не было преодолено несмотря на заключение Аугсбургского религиозного мира.

В немецкой историографии данный период получил название «Лютеровская пауза», поскольку в это время, по мнению историков немецкой литературы, в немецкой словесности не возникло никакого сколько-нибудь эстетически значимого явления, сравнимого с текстовой деятельностью самого М.Лютера (1483-1546). Такая негативная оценка переходного микропериода не учитывает множества процессов, которые сопутствовали переосмыслению традиционных дискурсивных практик в постреформационный период развития идеологии, культуры, социальных отношений и находились под влиянием такого мощного социокультурного фактора, как книгопечатание, получившего именно в этот период массовое распространение в разных социальных средах (Бабенко, 2010) и определившего переход из устной медийности в печатную.

Ранняя романная проза относилась к риторической сфере использования языка, то есть тексты такого рода по своим функциям представляли собой разновидность фикционального нарратива, а не институциональные формы немецкой письменности. Их прагматическое назначение определялось множеством историко-культурных факторов, которые формировали своеобразие нарратива этого типа, соединявшего в себе разные стилевые традиции того времени – канцелярии (деловая сфера), проповеди (религиозная

сфера) и трактата (научно-познавательная сфера) (Schwitalla, 2000).

Немецкоязычное филологическое знание терминологически разграничивает литературоведческие и лингвотекстовые аспекты изучения риторических жанров. Литературоведческий термин *Gattung* ('жанр'), имеющий давнюю традицию использования, получил уточнение в результате появления в немецкой лингвистике текста термина *Textsorte* (русс. «жанр текста» или «жанр речи» в терминологии М.Бахтина), который стал основой развития такого направления, как лингвистическое жанроведение (Бабенко, 2018), с его интересом к типам текстов разной функциональной направленности как представителям дискурсивных практик, развивающихся в разных социальных средах под влиянием прагматических, культурных, идеологических, экономических и других стимулов внешней среды (Adamzik, 1995).

Следует отметить, что понятие «литература» появилось в истории немецкой словесности довольно поздно. По этой причине понятие *Textsorte* представляется достаточно универсальным, чтобы использовать его по отношению к текстам разных эпох, прагматических профилей и эстетических качеств. Общее понятие художественной литературы как некоторой совокупности ее различных жанров и эстетических форм отсутствовало в сознании общества вплоть до раннего новонемецкого периода. Как это ни парадоксально, но даже в XVII столетии немецкому обществу понятие литературы еще было незнакомо. Проза и поэзия первоначально существовали в риторической теории и дискурсивной практике независимо друг от друга, тогда как объединяющее их понятие *belles lettres* появляется только во второй половине XVII в. (Семенюк, 2006: 37-38).

В данной статье предпринимается попытка дать представление о немецких романских текстах второй половины XVI в. с опорой на историю немецкого языка как

историю жанров текста (Steger, 1991), которая активно развивается в современной отечественной и зарубежной германистике и своей задачей ставит изучение текстов разных жанров в контексте общего развития письменной культуры как явлений коммуникативной деятельности и дискурсивных практик, свойственных языковому сообществу на определенном этапе его существования. Весьма продуктивным представляется рассмотрение романских текстов XVI в. в дискурсивном ракурсе, то есть как явлений нового, только начинавшего формироваться континуума оригинальных (немецкоязычных, а не переводных!) текстов в авторском, то есть не анонимном исполнении, предназначенных для широкой городской публики, овладевшей навыками чтения, и отличавшихся не религиозной направленностью содержания, а нарочитой приземленностью повествования и преобладанием описания быта и человеческих взаимоотношений. Изучение немецких романских текстов в рамках историко-лингвистического жанроведения, предполагающего учет прагматических аспектов текста, может дать объяснение многим явлениям в функционировании языка переходной эпохи, когда в текстовой деятельности происходило взаимодействие традиционного и новаторского, менялись содержание и назначение этой деятельности, а также ее формы (Wolf, 2000: 1). Сходные процессы проявляли себя и в развитии театральной культуры с ее движением к публичности и адаптации под нужды времени (Bloemendal, Eversmann, Strietman, 2012; Лурье, 2015).

Факторы расширения дискурсивных практик в переходную эпоху.

Если под дискурсом, вслед за М.Фуко (Foucault, 1973: 156), понимать множество высказываний, которые принадлежат одной системе формаций (т.е. тематически связанных текстовых образований), то для письменной культуры XVI в. характерным ее свойством оказывается стремительное

развитие разного рода дискурсивных практик (то есть коммуникативно релевантных топосов, вокруг которых развивались дискурсы) в самых разных сферах жизни общества, сформировавшихся в процессе транзита из замкнутого на себе средневекового типа культуры в новую коммуникативную среду, которая развивалась в условиях публичности и массового потребления продуктов книжной культуры. К наиболее значимым в данный период относятся такие дискурсивные практики, которые имеют теологическую, полемическую, информирующую, медицинскую, астрологическую, научно-познавательную, утилитарно-прагматическую и прочую направленность. Анализ реестров печатной продукции показывает, что актуальные для рассматриваемого периода названия, под которыми издавались тексты, отличались довольно высокой степенью специализации и достаточно точно обозначали жанр, форму и тематику текста (Hertel, 2000).

Дискурсы второй половины XVI в. отражали сложный характер социальных и культурных процессов, которые находили преломление в текстах разных жанров. Среди них романная литература занимает особое место как площадка для выравнивания жанрово-стилистической и грамматической формы письменного языка, для освоения возможностей и ресурсов самого немецкого языка в рамках оригинальной романной прозы, которая во многом носила не только традиционный, но и поисковый, а также экспериментальный характер.

Романная проза возникла в условиях существования весьма депрессивных явлений в жизни социума, связанных с масштабной неопределенностью и противоречивостью развития во всех сферах – институциональной, религиозной, политической, идеологической, экономической, социальной (Babb, 1965; Lederer, 1995). Исследователи этого периода все чаще обращают внимание на

факты депрессивного состояния общественного сознания, наличие крайне тревожных, катастрофических ожиданий в ближайшем будущем. Тому в последние годы собрано достаточно много документальных свидетельств и дискурсов на эту тематику (Rieche, 2007). Топос преодоления меланхолии вошел во второй половине XVI в. в моду и просуществовал до начала XVII в.; он мотивировал появление обширной книжной продукции развлекательного толка, которая предназначалась для разных социальных групп читателей и сопровождалась в предисловиях и титульных комплексах заверениями авторов и издателей о безусловной пользе текстов для преодоления душевных недугов.

Яркую и вполне очевидную параллель к словесным формам дискурса демонстрируют известные образцы изобразительного искусства того времени, например, картина под названием «Меланхолия» 1558 немецкого художника Маттиаса Герунга детально и красочно передает представление о кризисных, меланхолических состояниях социума XVI в. (Rieche, 2007:113).

Словесная культура XVI в., оказавшаяся под сильным влиянием кризисных факторов, развивалась в русле популяризации развлекательного дискурса. Данная тенденция проявляла себя поразному, в том числе как уход от реальности в мир гротеска, пародии и комического, как нагромождение персонажей, деталей, стилистических приемов и т.д. для достижения эффекта присутствия иной реальности, противопоставленной обыденному поведению человека в обстоятельствах, вызывающих страх, неуверенность и беспокойство.

Наиболее полное представление о ранней немецкой романной литературе, ее эстетических и стилистических качествах дают произведения трех авторов – Й. Викрама (ок. 1505-1562), М. Линденера (1520-1562) и Й. Фишарта (ок. 1547-1591).

Данный состав авторов и комбинация литературных форм являются довольно уникальными в контексте позднего Средневековья и воплощают поиск новой эстетики, новой словесной формы, способной преодолеть сложившуюся традицию теологического и профанно-апокалиптического дискурсов, в том числе путем создания новых нарративных моделей текста и использования разнообразных приемов их языковой стилизации, обусловленных социокультурным назначением текста в дискурсивном пространстве эпохи, предшествовавшей становлению идеи о языковом единстве немецкой нации.

Формирование романной литературы на немецком языке тесно связано с проблемами авторства и адресности в условиях распространения книгопечатания (Олейник, 2006). Авторское начало проявляется еще довольно слабо, хотя имя автора называется публично; сильным оказывается воздействие на публику издателей и продавцов книг, которые побуждали публику к овладению чтением как в высшей степени престижным, социально значимым умением. При этом следует учитывать то обстоятельство, что некоторые авторы не без оснований претендовали на выражение в своих текстах яркой индивидуальности, что отражало характерное для позднего Средневековья стремление к преодолению анонимности в сфере письменности и к подчеркиванию авторства как проявления самобытности. Однако такого рода мотивация подчинялась сложившейся жанрово-стилистической традиции, для которой было характерно повествование в форме отдельных историй о событиях, ситуациях, происшествиях и т.д. Немецкое обозначение *Geschichte* ('история'), часто используемое в титульной части романов, выступает синонимом понятия *Schwank* ('шванк') как обозначения особого жанра немецкой литературы, представленной в XVI в. множеством собраний коротких «повестушек», описывающих жизненный

опыт героев разных социальных слоев. Это обстоятельство определяло и характер адресности собраний текстов с поучительными историями довольно универсального содержания. Вместе с тем в этот период начинает себя проявлять и адресованность другого рода – обращенность текстов к узкой социальной прослойке читателей, способной оценить словесные эксперименты авторов романов.

Названные выше авторы являются яркими представителями ранней немецкой романной литературы: Йорк Викарам отвечал запросам благочестивого бюргерства, Михаэль Линденер смело экспериментировал с ресурсами немецкого языка, Йоганн Фишарт осуществлял переложения на немецкую почву с французского произведений Ф.Рабле. Для каждого из этих авторов можно выделить специфические контактные связи с культурными феноменами эпохи:

Йорк Викарам (Jörk Wickram) – автор многочисленных сборников шванков и целого ряда романских текстов – создавал тексты с отчетливо назидательной тематикой. Его «романный опыт» отчетливо доказывает, что немецкий язык благодаря его использованию в крупных текстовых формах постепенно приобретал новые стилистические качества. Для Викарама характерна органическая связь с национальной немецкой культурой эпохи Возрождения, развивавшей массовые формы печатной продукции для широкого потребителя. Его текстовая деятельность была направлена на сохранение тесных контактов внутри самой немецкой культуры.

Михаэль Линденер (Michael Lindener) как автор лишь одного романа на немецком языке отличается от двух других «романистов» своими контактами с дискурсами разнообразных сфер – медициной, астрологией, теологией. Его «шванкообразный роман» представляет собой опыт конструирования поэтического мира, в котором доминирует нарочито грубое комическое начало, инициируемое

множеством различных поводов. Здесь имеет место особая форма индивидуализации языковой практики, которая заключается в использовании подчеркнуто разрушительной словесной образности. Таким способом автор стремился преодолеть статичный характер прозаических текстов своего времени и сделать языковую форму более выразительной и «театрально-драматичной» для усиления контакта с читателем и вовлечения его в сферу развлекательного дискурса с помощью новых стилистических приемов. Язык романа отличается провокативным характером использования лексики, которая оказывает влияние на синтаксическую организацию текста.

Йоганн Фишарт (Johann Fischart) связан с другим направлением развития немецкой романной литературы XVI в., которое возникло в результате контактирования с литературным образцом французской культуры в лице Ф. Рабле и его романом «Гаргантюа и Пантагрюэль». В исследованиях на эту тему отмечалось, что роман Фишарта на немецком языке не является прямым переводом с французского оригинала, а представляет собой довольно вольное переложение содержания и перенесение его смеховой основы на почву немецкого языка и культуры. Автор немецкой версии текста француза Ф. Рабле демонстрирует возможности и ресурсы немецкого языка в словообразовании и стилистическом использовании языковых средств, которые ранее не находили столь яркого выражения в немецкой письменности.

О шванковой природе ранней немецкой романной литературы.

Многочисленные сборники шванков XVI в. представляли собой тексты малых форм, предназначенные для массового читателя (Мелетинский, 1988). Их прототипической функцией было развлечение читающей публики, что особенно отчетливо проявилось уже в собрании веселых историй о Тиль Уленшпигеле (1515), ставшем первым

оригинальным произведением развлекательного назначения, выполненном на немецком языке.

Поскольку во второй половине XVI в. появилось множество текстов, в которых транслировались разного рода коллективные страхи, ожидание катастрофических событий (связанных, например, с появлением кометы 1557 г), то велика была потребность и в текстах иного характера, которые должны были отвлечь читателя от мрачного восприятия действительности. Ключевыми словами пространных заголовочных комплексов и предисловий в шванковых сборниках XVI в., которые усиленно тиражировались, в том числе и по чисто коммерческим соображениям, были *Kurzweil* ‘развлечение’, ‘увеселение’ (Бабенко, 2008), *Nutzen* ‘полезность’ и *Wahrheit* ‘подлинность’, ‘правдивость’.

Шванкообразный нарратив, то есть повествование, состоящее из самостоятельных историй с разными, «несквозными» по всему тексту персонажами, преобразуется в романах в повествование с набором постоянных героев, вокруг которых происходит действие, по целому ряду признаков сходных с шванковыми историями. Титулы, отделяющие одну историю от другой, также указывают на связь романских текстов с шванковой прозой: для обоих типов текста существенной чертой является нарративный характер названия глав как ориентиров для читателей в их ожиданиях относительно направления и динамики развертывания повествования.

Функции романских текстов, формулируемые в пространных названиях самим автором, не поддаются строгому выделению: Например, текст создавался только для радостных ощущений в темные времена (... *ein fröhlich Gemüt zu machen in schweren Zeiten*); для создания терапевтического эффекта, помогающего ослабить грусть, болезнь, злобу и зависть (... *goeder recreatien ...dass Trawrigkeit/Krankheit/ hassz vnd neid/wirdt gemildert*); или для предостережения от

страшных и отвратительных действий (...zum schrecklichen Beispiel/ abscheulichen Exempel und treuhertziger Warnung) (цит. по: (Schwarz, 2000: 158).

Шванковые истории и романские тексты совпадают по целому ряду языковых признаков. Среди синтаксических признаков доминируют такие, как высокая частотность темпоральных предложений и наречий с темпоральной семантикой в начальной позиции; предложения с *verbum dicendi* и прямой речью в конечной позиции, линейное развертывание паратаксиста в составе цельного предложения – для поддержания хронологической линии повествования, что в романной прозе имеет особое значение как гарантия подлинности и достоверности описываемых событий. Лексические признаки и шванковой, и романской прозы связаны с отбором наречий с темпоральной семантикой и с использованием глаголов говорения, которые обеспечивали членение текста на сегменты и подчеркивали его разговорную тональность.

Опыты создания романских текстов

Von guten und bösen Nachbarn («О добрых и злых соседях») 1556 г. Й. Викрама.

Городской писатель, современник М. Лютера, Й. Викрам считается «отцом немецкого романа» (Scherer, 1877: 35). Он «двигался» к крупным романским формам через создание образцов назидательного повествования о жизни добродетельных бюргеров. Роман «О добрых и злых соседях» посвящен описанию взаимоотношений представителей бюргерского сословия в их обыденной, повседневной жизни. Примечательно само название романа: оно выражает значимую в XVI в. идею противопоставления добра и зла, добродетелей и пороков, которая получила дискурсивное развитие в публичной сфере, в том числе и благодаря тексту романа Викрама, который демонстрирует образец

поведения добродетельных бюргеров в условиях чрезвычайно агрессивной окружающей среды. Повествование, состоящее из 50 глав, разворачивается как цепь событий, связанных с названными этическими понятиями.

Шванковая стилистика сохраняется прежде всего в пространственных названиях глав, которые представляют собой краткое изложение содержания, своего рода вводки, и фиксируют внимание на наиболее значимых моментах повествования в их последовательности. Этот прием получил в романе Викрама завершенную синтаксическую форму на уровне как простого, так и сложного предложения; она соответствовала общей тенденции построения предложения и места финитного глагола в каждом типе высказывания:

Wie zwen reicher kauffherren eines handels und gewerbs zûsamen auff einem schiff kumen, fründtschafft und geselschafft zûsammen sûchen, der ein fast kranck ward, der ander sein gar trewlichen pflegen was und, als sie gehn Lisabona kumen, zû ihm in sein haus nam (W: 137).

Что касается содержания глав, то они отражают заявленную в вводке сюжетную основу, главы соразмерны друг другу на всем протяжении текста, включают прямую речь и многочисленные комментирующие авторские фрагменты, выделенные графически для поддержания контакта с читателем. В романе Викрама представлена модель такого использования языка, которая была ориентирована на читателя, заинтересованного в получении информации в доступной, упорядоченной языковой форме. Обращает на себя внимание умеренное использование гипотаксиста в сочетании с немногочленным паратаксистом, что обеспечивало обозримую синтаксическую структуру текста и его членимость на фрагменты с паратаксистическим или гипотаксистическим оформлением позиции финитного глагола:

*Als sie nun alle amen gesprochen hand/
haben sie die speis mit züchten genossen/ Da
ist yederman zimlich frölich gewesen/ allein
Robertus der hatt einen seufftzen über den
anderen gelassen/ und sich gantz trawrig
erzeiget/ das dann die andren seine lieben
nachbaurn und freundt auch trostmütig
gemacht hat. Der gelert man/ so hart neben
Roberto gesessen gewesen ist/ hatt in mit gar
sanffmütigen worten angeredt/ " Lieber herr
Roberte / was bekümmert euch so
schwerlichen/ das ir so gar nit güter dingen
sein wöllen? " (W: 130).*

Специфическое для немецкого языка явление порядка слов в рамках предложения получило в романной прозе Викрама свое четкое закрепление, что соответствовало общей тенденции в развитии письменного языка, но реализовалось в XVI в. весьма непоследовательно. Использование унифицированных схем порядка слов сочеталось в прозе Викрама с стилистической гомогенностью романного текста, что отвечало задачам опрощения немецкого письменного языка как языка тривиальной массовой литературы.

Katzipori («Каципори») 1558 г. М. Линденера.

М. Линденер и его проза изучены по сравнению с текстами Викрама и Фишарта наименее полно, поскольку его творчество стоит несколько особняком и с трудом вписывается в литературный процесс, но для историков языка этот автор представляет большой интерес как экспериментатор в области языковой игры и гротескного использования языковых средств для создания комического эффекта, не имевшего себе равных в традиционной немецкоязычной культуре. Основания для выделения творчества Линденера в особую категорию немецкой словесности XVI в. исследователи усматривают в том, что его тексты были не только специфическим отражением дискурсивной практики в условиях повсеместно кризисной ситуации, сопряженной с состоянием меланхолии как

социальным явлением и результатом эпохи «тяжелых испытаний», но и опытом оригинального риторического конструирования терапевтического назначения, то есть для сугубо медицинского воздействия на потребителя этих текстов путем создания особой словесной текстовой материи. Свой терапевтический посыл Линденер формулировал открыто, а не намеком, вскользь, как Викрам.

Языковое мастерство Линденера признается всеми исследователями его творчества, отмечается его исключительно виртуозное владение ресурсами немецкого языка и их мастерское использование в риторических конструкциях, насыщенных множеством словесных изобретений, которые создают эффект самостоятельного существования языковой формы текста, «обволакивающей» его нередко крайне непристойное содержание. Наиболее типичными приемами словесной игры в текстах Линденера выступают новообразования, длинные ряды слов одной частеречной принадлежности, смешение элементов из разных языков в одной конструкции или в развернутом высказывании, звуковая обработка слов.

Показательно для поэтики Линденера название его произведения: *Katzipori* («Каципори»). Оно не поддается расшифровке не только на платформах современного немецкого языка, но и в дискурсах XVI в. исследователи не находят для него приемлемого толкования (Rieche, 2007: 292-293). Название титульного листа книги также служит подтверждением загадочности, двусмысленности и неожиданности предлагаемого читателю текста: *Der erste Theyl KATZIPORI. Darinn neue Mugken / seltsame Grillen / unerhörte Tauben / visirliche Zotten verfaßt und begriffen seind: Durch einen leyden guten Companen / allen guten Schluckern / zu gefallen zusammengetragen* (L:Titelseite). Порывая с традицией создания титульных страниц, которые содержали указание на жанр текста (*historia, fabula, schwenck* и др.) и вводя синонимический ряд

произвольно выбранных слов из мира пернатых (*mugken, grillen, tauben, zotten*), Линденер направляет внимание читателя на иную дискурсивную модель словесно-образного воплощения содержания своего текста, максимально удаленную от стандартных образцов того времени.

Характерной особенностью авторского «Я» Линденера является то, что содержательно его «шванковые» тексты по большей части оригинальны, то есть не имеют литературных параллелей и не воспроизводят предыдущий опыт шванковой культуры, что было характерно для большинства авторов малоформатных текстов, которые чаще всего являлись простой компиляцией уже существовавших сюжетов. У Линденера языковые эффекты и конструктивные изобретения доминируют над комическим изображением персонажей и их поступков (в сюжетной канве повествования *dictum* стоит над *factum*). Показательно также то, что Линденер отдает предпочтение письменной форме языка с закономерностями его употребления, а не устной разновидности, которая явно могла бы войти в противоречие с его языковым экспериментированием (Rieche, 2007: 70-71).

Что касается жанра рассматриваемого текста Линденера, то это скорее квази-роман, который является таковым несмотря на повествование в шванковой манере. Шванки при этом образуют единое целое не столько благодаря количеству сюжетов (127 глав), сколько благодаря уникальным качественным характеристикам их языковой формы, которая выступает объединяющим началом всего шванкового «романа».

Языковая игра в текстах Линденера принимает разные формы: синонимизация, нанизывание слов для создания многословных комплексов, изобретение новых, не обладающих смыслом слов, нередко с использованием звуковой символики для достижения ритмико-мелодического эффекта в рамках

письменной формы текста. Эти приемы могут выступать самостоятельно или в комбинации друг с другом, как, например, в пассаже, повествующем о незадачливом крестьянине, который на свой манер старается объяснить портному, какие брюки он хотел бы иметь к свадьбе, и делает это непонятным для портного образом, употребляя бессмысленные, но эффектно звучащие слова: *Fritz mit dem finger auf das läder und deütet: Hin umb wider / und sagt / auf und nyder / hin unnd wider / kritzal kretzel / schützel schmetzel / So will ich es haben* (L: Kapitel 4).

Риторической максимой для Линденера является представление о том, что экстремально неожиданная языковая фактура текста могут оказывать аффективное воздействие на человека и проявлять целительную силу как средство против уныния и меланхолии.

Geschichtklitterung («Незатейливые истории») 1575-1590 гг. Й. Фишарта

Формально переводной, но по сути чрезвычайно оригинальный многотомный роман Фишарта с экзотическим и экстерриториальным сюжетом воспроизводит экспериментальное языковое моделирование текста по образцу шванкового романа Линденера «Каципори» (Dieckow, 1996). «Немецкая модель» французского романа оказалась самостоятельным и мало зависимым от оригинала текстом.

В предисловии к роману Фишарт говорит о том, что он сделал перевод на немецкий язык *überschrecklich lustig* ‘жутко смешным и веселым’ и [... *habe ...*] *in einen Teutschen Modell vergossen* ‘облек его в немецкую форму’. Фишарт, упоминая, что Рабле был врачом, приводит пространное обоснование в пользу того, что врач для излечения больного должен применять не только лекарства, но находить нужные слова, чтобы развеселить его; врач должен *nit alleine den bösen lufft und geruch minder einlassen, sonder auch bossierlicher zuseyn: der wird ein Krancken mutiger und geströster machen, alß ein*

langweiliger Langschraubiger Stirnruntzelter Fantast (F: 16).

Роману предпослано стихотворение, в котором Фишарт обращается к читателю и называет свое произведение лекарством для душевного спокойствия (*Gemüts arzney*) и, как Линденер, ссылается на авторитет врача. Фишарт говорит о печали (*kommer*) и тяжелых мыслях (*schwäre gedanken*) как о недуге, который мучает человека и может довести его до смерти – *das Gemüt frisch halten, so wird der Leib selb naher walten*.

Текст романа Фишарта соединяется с медицинским дискурсом, который нацеливает читателя на излечение от меланхолии через чтение развлекательной литературы для переключения с мрачной, тоскливой и унылой повседневности на шутливо-комическое восприятие жизни. Потребность в этом у массовой публики была велика, и авторы, создавая свои тексты, стремились максимально выразительно, в гротескных формах воздействовать на читателя через привлечение внимания к языковому воплощению сюжетов. Для Фишарта эта тактика в той же степени типична, как и для Линденера.

Комическое, «смеховое» начало романа Фишарта обнаруживается уже на титульной странице: *Affentheuerlich Naupengeheurliche Geschichtklitterung Von Thaten und Rhaten der vor kurtzen langen unnd je weilen Vollwolbeschreiten Helden und Herren Grandgosschier Gorgellantua und deß Eiteldurstlichen Druchdurslechtigten Fürsten Pantagruel von Durstwelten, Königen in Utopien, Jederwelt Nullatenenten und Nienenreich- Soldan der neuen Kannarien_ Fäumlappen Dipsoder, Dürstling, und OudissenInseln: auch Großfürsten im Finsterstall und Nu bel NibelNebelland, Erbvögt auff Nichilburg, und Niderherren zu Nullibingen, Nullenstein und Niergendheim. Etwan von V- Frantz Rabeleis Frantzösisch entworfen: Nun aber überschrecklich lustig in einen Teutschen Model vergossen, und ungefährlich oben hin, wie man den Grindigen*

laußt, in unser MutterLallen über oder drunder gesetzt: Auch zu diesen Truck wider auff den Ampoß gebracht, und dermassen mit Pantadurstigen Mythologien oder Geheimnus deutungen verposselt, verschmidt und verdängelt daß nicht ohn das Eisen Nisi dran mangelt (F: Titelseite).

Авторский, индивидуальный стиль проявляется в языковой практике Фишарта с особой силой на таких уровнях языка, как лексика, словообразование, синтаксис. Чрезвычайно широко в тексте романа представлены синонимические ряды и многочисленные однородные структуры в стиле *geblümte Rede* ('цветистая, пышная речь') гуманистов, но в ином прагматическом ключе: скопление слов одной частеречной принадлежности, близких по значению и по словообразовательным признакам создают комический эффект непрерывности языковой формы. Таков, например, синонимический ряд для единичного у Рабле употребления глагола *dancer*, состоящий в романе Фишарта из 31 слова и создающий впечатление танцевального ритма: *...da dantzten, schupfften, hupfften, lumpfften, sprungen, sungen, hunken, reytten, schreieten, schwangen, rangen, ploechelten: fußkloepffeten: gumpeten: plumpeten: rammelten: Hammelten, voltirtten, Branlirtten, gambadirten, Cingpassirtten, Capricollirtten, gauckelten, redletten buortzletten, balletten, jauchtzeten, gigateten, armglocketen, hendruderten, armlaufeten, warmschnaufeten...*

Комическое назначение имеет в романе Фишарта и конструирование слов-гигантов, типа: *schalksnarrenkurtzweil, heiligschriftenerklaerer, fronfastengeltsamler* и т.п. примечательной особенностью романа является также то, что его текст изобилует лексическими построениями, сатирически вычурными смысловыми ассоциациями, вследствие чего содержательная структура ряда образований и целых фрагментов текста не поддается полной расшифровке и толкованию с позиций современной языковой компетенции, будучи глобальной

метафорой абсурдности картины мира, свойственной общественному сознанию раннего Нового времени.

Заключение

В рамках общего историко-культурного контекста и с точки зрения особенностей социальных процессов второй половины XVI в. тексты романов Викрама, Линденера и Фишарта оказываются весьма разнородными опытами создания оригинальных фикциональных текстов рекреационного назначения для широкой публики; ранние романы остались в истории немецкой словесной культуры единичными продуктами авторского творчества, которые не получили продолжения в последующем развитии литературно-письменной и языковой традиции, но определенным образом способствовали довольно решительному переходу от следования шаблонам развлекательного дискурса к формированию внеидеологической эстетики, культивированию самооценности языковых средств и созданию в обществе новой среды для текстовой деятельности на национальном языке, способном преодолевать господство латинской традиции в письменности.

Источники и сокращения

F – Fischart, J. Geschichtklitterung (Gargantua). Halle/ Saale, 1969, Bd.1.

L – Lindener, M. Katzipuri / Lindener, M. Schwankbücher: Rastbüchlein und Katzipori, hg.von Kyra Heidemann. Bern, 1991. Bd.1: Texte.

W – Wickram, J. Von guten und bösen Nachbarn. Retrieved from <http://www.zeno.org/nid/20005905079>

Список литературы

Бабенко Н.С. Kurzweil как феномен немецкой письменной культуры XVI века // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. Ко дню рождения ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СМИРНИЦКОЙ. М.: Макс Пресс, 2008. С. 66-75.

Бабенко Н.С. Раннее книгопечатание в Германии и его роль в развитии коммуникации // Язык. Закономерности развития и функционирования. Сборник к юбилею

Натальи Николаевны Семенюк. М.: 2010. С. 255-270.

Бабенко Н.С. Развитие жанровых форм массовой литературы в постреформационной Германии 1550-1618 // Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст. Москва, Калуга: 2014. С. 146-155.

Бабенко Н.С. Терминологическая база немецкоязычной версии лингвистического жанроведения // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З.Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 421-435.

Лурье З.А. Протестантский театр XVI-XVII вв. как историко-культурный феномен // Религия. Церковь. Общество. Вып. 2. СПб.: 2015. С. 184-205.

Мелетинский Е.М. О структуре малых повествовательных жанров // Этнолингвистика текста. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Часть 1. М.: 1988. С. 10-13.

Олейник М.А. Адресатный план и тип текста: аспекты взаимодействия // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: 2006. С. 146-163.

Семенюк Н.Н. Эстетический канон и некоторые языковые характеристики немецкого прозаического романа XIII-XV вв. // Языковая норма и эстетический канон. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 37-53.

Adamzik, K. Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierende Bibliographie (Studium Sprachwissenschaft 12). Münster: 1995. 301 S.

Babb, L. The Elizabethan Malady. A Study of Melancholia in English Literature from 1580 to 1642. East Lansing: Michigan State University Press, 1965. 206 p.

Bloemendal, J., Eversmann, P. G. F., Strietman, E. Drama, performance, debate, theatre and public opinion in the early modern period: an introduction // Drama, Performance and Debate: Theatre and Public Opinion in the Early Modern Period. Leiden: 2012. pp. 1-18.

Dieckow, P. Um jetzt der Katzenborischen art Rollwagenbücher zu gedenken – Zur Erforschung deutschsprachiger Prosaerzählensammlungen aus der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Euphorion 90. 1996. S. 76-133.

Foucaut, M. Archäologie des Wissens. Frankfurt am Main: 1973. 304 S.

Gumbel, H. Deutsche Sonderrenaissance in deutscher Prosa. Strukturanalyse deutscher Prosa

im sechzehnten Jahrhundert. Frankfurt am M.: 1930. 268 S.

Hertel, V. Textsortenbenennungen im Deutschen des 16. Jahrhunderts // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin: Peter Lang. S. 322-329.

Lederer, D.L. Reforming the Spirit: Society, Madness and Suicide in Central Europe, 1517-1809. New York University, 1995. 250 p.

Rieche, J. Literatur im Melancholiediskurs des 16. Jahrhunderts. Volkssprachige Medizin, Astrologie, Theologie und Michael Lindeners Katzpori (1558). (Literaturen und Künste der Vormoderne. Bd.1). Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 2007. 398 S.

Scherer, W. Die Anfänge des deutschen Prosaromans. Jörk Wickram von Colmar. Straßburg-London: Trübner & Co, 1887. 104 S.

Schwarz, A. Die Freude am Guten und Bösen Zum Verhältnis der Textsorten Prosaroman und Schwankroman // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin: Peter Lang, 2000. S.155-168.

Schwitalla, J. Wandlungen eines Mediums. Sprachliche Merkmale öffentlicher Briefe von Laien in der Reformationszeit // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin: Peter Lang, 2000. S. 261-279.

Steger, H. Sprachgeschichte als Geschichte der Textsorten. Kommunikationsbereiche und Semantiktypen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neubearbeitete und erweiterte Auflage, hg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 1. Teilband. Berlin /New York: de Gruyter. 1998.S. 284-300.

Wolf, N.R. Sprachgeschichte als Textsortengeschichte? Überlegungen am Beispiel von Latein und Althochdeutsch // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin: Peter Lang, 2000. S. 1-99.

Wolf, N.R. Alle Sprachwissenschaft ist Textlinguistik // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том V. Типология текстов нового времени. М.: Языки славянской культуры, 2009. S. 223-234.

References

Babenko, N.S. (2008). "Kurzweil as a phenomenon of German written culture of the 16th century; in German Studies". *Scandinavistics. Historical poetics. To the birthday of O.Smirnitskaya*, 66-75. (in Russian).

Babenko, N.S. (2010). "Ranee knigopechataniye v Germanii i yego rol' v razvitiy kommunikatsii", *Yazik. Zakonimernosti razvitiya i funktsionirovaniya. Sbornik k yubileyu N.N. Semenyuk* [Language. Patters of development and functioning. Anniversary collection of N.N. Semenyuk], 235-270 (in Russian).

Babenko, N.S. (2014). "The development of genre forms of mass literature in post-reformation Germany 1550-1618", *Dinamika kul'turno-istoricheskoy paradigmy: chelovek, slovo, tekst* [The dynamics of the cultural and historical paradigm: man, word, text], 146-155 (in Russian).

Babenko, N.S. (2018). "The terminological base of the German-language version of linguistic genre, in Images of language and zigzags of discourse", *Sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu V.Z.Dem'yankova* [Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of V.Z.Demyankov], 421-435. (in Russian).

Lur'ye, Z.A. (2015). "Protestant Theater in XVI-XVII centuries as a historical and cultural phenomenon", *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo, III*, SPb., 184-205. (in Russian).

Meletinsky, E.M. (1988). "On the structure of small narrative genres", *Etnolingvistika tekst. Tezisy i predvaritel'nyye materialy k simpoziumu*, 10-13 (in Russian).

Oleynik, M.A. (2006). "Targeted plan and type of text: aspects of interaction", *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyom diskurse*, 146-163 (in Russian).

Semenyuk, N.N. (2006). "Esteticheskiy kanon i nekotorye yazykovye charakteristiki nemetskogo prosaicheskogo romana XIII-XV vv.", *Yazykovaya norma i esteticheskiy kanon* [The aesthetic canon and same linguistic characteristics of the 13-15 centuries, in Language norm and aesthetic canon], 37-53. (in Russian).

Adamzik, K. (1995). *Textsorten – Textsortentypologie. Eine kommentierende Bibliographie (Studium Sprachwissenschaft 12)*. Münster, Deutschland.

Babb, L. (1965). *The Elizabethan Malady. A Study of Melancholia in English Literature from 1580 to 1642*, East Lansing: Michigan State University Press.

Bloemendal, J., Eversmann, P. G. F., Strietman, E. (2012). Drama, performance, debate, theatre and public opinion in the early modern period: an introduction, *Drama, Performance and Debate: Theatre and Public Opinion in the Early Modern Period*, 1-18.

Dieckow, P. (1996). Um jetzt der Katzenborischen art Rollwagenbücher zu gedenken – Zur Erforschung deutschsprachiger Prosaerzählensammlungen aus der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. *Euphorion* 90.

Foucault, M. (1973). *Archäologie des Wissens*. Frankfurt am Main, Deutschland.

Gumbel, H. (1930). *Deutsche Sonderrenaissance in deutscher Prosa. Strukturanalyse deutscher Prosa im sechzehnten Jahrhundert*. Germany: Frankfurt am Main.

Hertel, V. Textsortenbenennungen im Deutschen des 16. Jahrhunderts, *Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner*. Frankfurt a.M.; Berlin: Deutschland: Peter Lang, 322-329.

Lederer, D. L. (1995). *Reforming the Spirit: Society, Madness, and Suicide in Central Europe, 1517–1809*. New York University.

Rieche, J. (2007). *Literatur im Melancholiediskurs des 16. Jahrhunderts. Volkssprachige Medizin, Astrologie, Theologie und Michael Lindeners Katzipori (1558). (Literaturen und Künste der Vormoderne. Bd.1)*, Stuttgart, Germany: S. Hirzel Verlag.

Scherer, W. (1887). *Die Anfänge des deutschen Prosaromans. Jörk Wickram von Colmar*. Straßburg-London. Trübner & Co.

Schwarz, A. (2000). Die Freude am Guten und Bösen Zum Verhältnis der Textsorten Prosaroman und Schwankroman,

Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner, 155-168.

Schwitalla, J. (2000). Wandlungen eines Mediums. Sprachliche Merkmale öffentlicher Briefe von Laien in der Reformationszeit, *Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner*. Frankfurt a.M.; Berlin, Deutschland: Peter Lang, 261-279

Steger, H. (1998). *Sprachgeschichte als Geschichte der Textsorten. Kommunikationsbereiche und Semantiktypen in Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neubearbeitete und erweiterte Auflage*, hg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 1. Teilband (p.p. 284-300). Berlin /New York, Germany: de Gruyter.

Wolf, N.R. (2000). Sprachgeschichte als Textsortengeschichte? Überlegungen am Beispiel von Latein und Althochdeutsch, *Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner*, 1-99.

Wolf, N.R. (2009). Alle Sprachwissenschaft ist Textlinguistik, *Russkaya germanistika. Yeshegodnik*, 223-234.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Бабенко Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН

Babenko Natalija Sergeevna, PhD in Philology, Senior Researcher of the German Language Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences